

УДК 316.42

*А.Малюк,
кандидат социологических наук*

РЕЛЕВАНТНОСТЬ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Статья посвящена выяснению релевантности понимания глобализации как неолиберализма в условиях глобального финансово-экономического кризиса. Реализация программы Вашингтонского консенсуса, заложившего идейную основу проекта неолиберальной глобализации, имела катастрофические социально-экономические последствия и способствовала возникновению глобального кризиса. Интеллектуальный хаос в кругах тех, кто разрабатывал и распространял идеи глобализации–неолиберализма, растерянность в кругах мирового истеблишмента определяет необходимость поисков иного понимания и объяснения происходящего.

Keywords: *globalization, neoliberalism, globalism, capitalism, Washington Consensus.*

Ключові слова: *глобалізація, неолібералізм, глобалізм, капіталізм, Вашингтонський консенсус.*

Ключевые слова: *глобализация, неолиберализм, глобализм, капитализм, Вашингтонский консенсус.*

На протяжении, по крайней мере, двух последних десятилетий концепт глобализации доминировал и по инерции продолжает доминировать в области социального познания. “Глобализация – одна из тех идей, о которых можно сказать, что пришло их время” – эти слова Д.Хелда [2, с. 1], одного из авторов, пожалуй, наиболее развернутой работы по этой теме, как нельзя лучше характеризует влияние концепта глобализации на состояние социального

познания в последние десятилетия. При этом содержание концепта глобализации, несмотря на все предпринятые усилия, оставалось довольно неопределенным, открывая простор многочисленным, подчас противоположным, интерпретациям. Чаще же всего понимание глобализации включало, кроме прочего, стандартный набор представлений о возникновении безграничной, охватывающей весь мир, рыночной экономики, культурной гомогенизации и гибридизации, институциональной конвергенции, снижении роли национального государства в управлении политическими и экономическими процессами, ослаблении национально-государственного суверенитета, создании системы глобального правления, наличии только одного “наилучшего” пути общественного развития, а также, как следствие всего сказанного, о тенденции (как минимум) возникновения некоего глобального (сверх)общества.

Данное понимание содержания концепта глобализации в целом совпадало с той совокупностью идей, которые принято называть неолиберальными. Неолиберализм представляет собой сложный комплекс социально-философских, политических, экономических и социальных идей, среди которых помимо прочих можно выделить либеральную классическую политическую экономии А.Смита и Д.Рикардо, а также их более позднее развитие в форме неоклассической экономики, включая австрийскую школу Ф.Хайека и монетаризм чикагской школы М.Фридмана, политический неоконсерватизм, обновленное мальтузианство, социал-дарвинизм Г.Спенсера, антиэгалитаризм и крайний индивидуализм англо-американского либерализма. Центральными элементами идеологии неолиберализма выступает понятие рынка и вера в экономическое, социальное, политическое и моральное превосходство общества, в основании которой лежат отношения индивидуальной рыночной конкуренции над любыми другими формами общественной организации. Картина социального мира неолиберального учения вклю-

чает в себя ряд допущений относительно того, что представляет собой человек, общество и экономика, которые воспринимаются их сторонниками как аксиомы. С точки зрения неолиберализма общество представляет собой совокупность рациональных индивидов-собственников, вступающих друг с другом в контрактные отношения и действующие на основе утилитарного принципа максимизации личной выгоды. На смену представлениям о солидарности и общем благе в неолиберализме приходит понятие индивидуальной ответственности и конкуренции. Конкуренция позволяет отделить жизнеспособных от нежизнеспособных индивидов и распределить материальные, природные, человеческие и финансовые ресурсы с наибольшей эффективностью. Саморегулирующийся рынок рассматривается как наиболее эффективная экономическая система с точки зрения как обеспечения экономического роста, так и, в конечном итоге, всеобщего благосостояния, по сравнению со всеми другими исторически возможными типами экономических систем. Вмешательство государства в работу рынка будет в лучшем случае неэффективным, в худшем – станет источником воздействий, нарушающих совершенное функционирование рынка. Приемлемы только такие меры государственного регулирования, которые поддерживают работу саморегулирующегося рынка. Все, что создано природой и человеком, включая его самого, рассматривается как товар, то есть предмет, произведенный для продажи на рынке. И поскольку рабочая сила как товар находит свою цену на рынке, нет необходимости в социальном и трудовом законодательстве. Вообще, рынок сам способен позаботиться о бедных и социально уязвимых. В этой картине социального мира отсутствуют коллективные субъекты социального действия – классы и другие общественные группы и конфликты между ними. Все субъекты экономических отношений рассматриваются как индивиды, подчиненные мотиву выгоды. Проблемы социального и экономиче-

ского неравенства и властных отношений между рабочими и капиталистами или внутри капиталистического класса, а также процессы концентрации и централизации экономической власти, роль финансовых элит, деятельность штаб-квартир корпораций и связанных с ними мозговых центров из этой картины мира выпадает. Вся экономическая жизнь сводится к совокупности сделок на рынке. Если выражение “идеология собственнического индивидуализма” когда-либо имело смысл, то именно по отношению к неолиберализму.

Со времен того, что принято называть “революцией Рейгана”, или “неолиберальной контрреволюцией” конца 1970-х гг., неолиберальная идеология завоевывала господствующие позиции в общественном сознании вначале стран Запада, а затем и остального мира. Она стала своего рода здравым смыслом. Параллельно этому в общественных науках Запада также была предпринята попытка установления гегемонии неолиберальных идей. Наиболее успешной она была в области экономической науки, в которой, начиная с 1970-х гг., стали доминировать неоклассическая экономика, среди ярких представителей которой следует назвать Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, и которая сама являлась ключевым элементом неолиберализма как политико-идеологической доктрины, а также учения, которым правящие и господствующие группы стали руководствоваться, отбросив социалреформизм и кейнсианство, в своем стремлении изменить соотношение социально-классовых и геополитических сил в мире в свою пользу.

С этого времени неолиберальное учение стало руководством к действию и легло в основу неолиберального проекта, совмещающего в себе образ желательного социального порядка как цели проекта с программой и стратегией действий, нацеленных на его достижение, в которых воплощаются долгосрочные интересы господствующего класса. Составной частью неолиберального проекта стал проект

неолиберального глобализма – программа глобальной экономической и политической перестройки на основе принципов неолиберализма, ключевым элементом которой выступает рыночная либерализация и подчинение всех аспектов социальной жизни во всех странах логике капиталистического накопления.

С момента начала реализации названного проекта термин неолиберализм стал применяться также к совокупности политических мер, воплощающих на практике принципы неолиберального учения и ведущих к структурным и институциональным изменениям в социальной, экономической и политической жизни капиталистических развитых и развивающихся стран, а затем и “постсоциалистических” стран, таким как демонтаж созданного в послевоенный период социально-реформистского государства всеобщего благосостояния и создание неолиберального государства, сокращающего социальные расходы и социально-экономические права трудящихся, изменяющего законодательство в пользу бизнеса, осуществляющего дерегулирование рынков, приватизацию и создание гибких рынков труда и насаждающего так называемые децентрализованные отношения между капиталом и трудом при устранении сильных профсоюзов и института коллективных переговоров, а также барьеров на пути международного движения капитала. Как утверждают адепты неолиберализма, именно осуществление принципов неолиберального учения привело к возникновению нового явления, т.е. глобализации, которая будто бы порождает экономический рост и связанный с ним социальный прогресс. Сторонники этой идеологии также утверждают, что под воздействием неумолимых экономических законов государство в значительной мере утрачивает экономическую власть, которая заменяется властью мирового рынка. Его основным элементом выступают ТНК как основные единицы экономической деятельности в современном мире. Естественным дополне-

нием возникающей глобальной рыночной экономики должна стать система глобального правления, которой государства должны уступить, по крайней мере, часть своего суверенитета. В этом дискурсе неолиберальная глобализация представляется как безусловное благо.

Совпадение смысла, вкладываемого в концепт глобализации, с содержанием неолиберальных представлений весьма значительно и касается практически всех основных элементов обоих конструкторов. Создатели концепта глобализации рассматривают экспансию свободного рынка как основную движущую силу глобальной интеграции и экономического прогресса. Они или прямо выступают за высвобождение рыночных сил путем поощрения частнокапиталистического накопления, приватизации, дерегулирования финансовых рынков и рынков рабочей силы, либерализации торговли или же, овецивая концепт глобализации и представляя ее как независимую, внешнюю по отношению к обществу силу, утверждают, что глобализация не оставляет иного выбора. Они также считают необходимым в новых условиях сокращение прерогатив “государственной бюрократии” и демонтаж механизмов социального государства, выступают против принципов равенства, солидарности и коллективизма как препятствий на пути экономического прогресса и доказывают необходимость адаптации государств и социальных субъектов (коллективных и индивидуальных) к требованиям глобальной рыночной конкуренции. С их точки зрения действие неостановимых стихийных рыночных сил ведет к глобальной конвергенции, открывающей качественно новую эпоху в истории человеческого общества. Вследствие такого совпадения понятия неолиберализма и глобализации было бы вполне обоснованно рассматривать как исторически и аналитически взаимосвязанные и даже тождественные. Неолиберальное учение господствует над дискурсом глобализации точно так же, как оно доминирует над общественным сознанием.

При этом неолиберальное содержание процесса глобализации признавалось всеми исследователями в равной мере независимо от их партийной (в широком смысле этого слова) принадлежности. То, что глобализация означает создание глобального саморегулирующегося рынка и транснациональных систем производства, торговли и финансов признавали как правые, так и левые. В чем они различались – так это в оценке значения и последствий этих явлений. Для одних – они были, безусловно и непосредственно, позитивными, для других – возможности, которые, казалось бы, открывались с глобализацией, нивелировались тем, что этот процесс протекал главным образом в интересах транснационального капитала и вел к росту эксплуатации, нищеты, деградации экологической системы планеты. Но и те, и другие соглашались, что глобализация в той или иной мере предполагает всемирное распространение принципов неолиберализма.

Через финансово-экономические кризисы, пережитых мировой экономикой с начала 1990-х гг., постепенно подтачивала силу и влияние идей глобализации как неолиберализации. Но особенно сильный удар по ним был нанесен глобальным финансово-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г.

Начало процесса изменения интеллектуального климата дискуссий относительно того, что представляют собой современный мировой политический и экономический порядок, каковы причины, ввергшие его в кризис, чем является так называемая глобализация, в каком направлении будет теперь развиваться человеческое общество и каковы возможные характеристики мира после кризиса, является, пожалуй, наиболее позитивным последствием глобального финансово-экономического кризиса.

Кризис нанес серьезный удар по идеологической неолиберальной монокультуре, которая в течение более трех десятилетий воспринималась как неоспоримая истина большинством представителей крупного бизнеса, буржуаз-

ных политиков, представителей СМИ и экономистов. Очевидная неадекватность теоретического конструкта, который представляет собой картину социального мира с точки зрения биржевого маклера, конструкта, неспособного дать внятное объяснение и понимание действительных причин и механизмов кризиса, в немалой степени способствовала интеллектуальной и моральной дискредитации культурной гегемонии идеи глобальной свободнорыночной экономики. В результате неолиберальные формы экономической политики и лежащей в ее основе экономической теории превратились, если воспользоваться выражением британского экономиста Б.Файна, в “зомбиэкономiku” [3, с. 887].

Данное выражение означает, что эти формы экономической теории и практики одновременно и мертвы, и живы. Они живы в том смысле, что неолиберальные идеи продолжают доминировать в экономической науке, на экономических факультетах и в школах бизнеса, в мозговых центрах, разрабатывающих экономическую политику правительств ведущих капиталистических держав, в практике международных финансовых институтов. Они определяют содержание поддержанных крупным бизнесом государственных экономических и социальных программ, а также межгосударственных мер регулирования мировой экономики, они являются основой экономических и социально-политических стратегий крупного транснационального бизнеса. Одновременно они интеллектуально мертвы, поскольку не способны предложить человечеству выход из тупика, в который его завело стремление сделать мотив прибыли доминирующим мотивом жизни общества. И это, в общем, хорошо понимают ведущие идеологи капиталистической системы. Так, известный экономический обозреватель газеты “Файненшл таймс” Мартин Вольф в марте 2008 г. отмечал: “В течение трех десятилетий мы воздавали хвалу красоте либерализованной финансовой системы, и к чему это нас привело?”

К чередe одного масштабного финансового кризиса за другим. Я не хочу сказать, что либерализация финансов не имеет преимуществ. Она, безусловно, сделала значительное число людей исключительно богатыми”. Однако за последние тридцать лет произошло не менее 117 системных банковских кризисов в 93 странах, в ходе 27 из них финансовые затраты на спасение от банковского краха достигали 10% ВВП данной страны, а иногда и больше. Но кризис 2007–2008 гг., по словам М.Вольфа, “стал гораздо более значительным и серьезным из всех кризисов за прошедшие тридцать лет”. Отмечая состояние финансовой системы в результате десятилетий неолиберальной политики дерегулирования, Вольф отметил, что “сторонние наблюдатели сознавали, что она превратилась в огромный черный ящик. Но они полагали, что, по крайней мере, те, кто работает внутри нее, понимают, что происходит. Это предположение неверно” [5, *s.a*].

Вместе с тем в кругах правых интеллектуалов созрело и понимание того, что нынешний кризис знаменует собой начало крупной трансформации современной мировой политико-экономической системы капитализма, направление которой они определить не могут, что рождает у них чувство тревоги за будущее капиталистической системы. Как отмечал тот же М.Вольф в газете “Файненшл таймс” за 8 марта 2009 г., “В такой поворотный момент невозможно знать, куда мы идем... Однако комбинация финансового краха с гигантской рецессией, если не чем-то худшим, безусловно, изменит мир. Легитимность рынка ослабнет. Доверие к США будет подорвано. Авторитет Китая возрастет. Сама глобализация может отправиться ко дну. Это время тектонических сдвигов”. И причину этого он видит в том, что эпоха либерализации (следование неолиберальным курсом рейганизма-тэтчеризма) содержала в себе зерна собственного разрушения [6, *s.a*]. Более того, в умах царит некоторая растерянность, что можно понять из высказывания главы представительства инвес-

тиционного банка “Меррилл Линч” в Москве Берни Сачера: “Наш мир разрушен, и я честно не знаю, что придет ему на смену. Компаса, по которому мы, американцы, сверяли курс, больше нет”. По его словам, за последнее время он наблюдал нечто подобное этому, в смысле дезориентации и утраты смыслов, у своих друзей в России, когда был развален Советский Союз (цит. по: [4, *s.a*]).

Еще более показательным с точки зрения характеристики неолиберальной глобализации являются недавние заявления главы-распорядителя МВФ Д.Стросс-Кана на очередной сессии МВФ и Всемирного банка. МВФ был основным проводником неолиберальной глобализации на принципах Вашингтонского консенсуса. Однако, по мнению главы МВФ, мировой финансовый кризис продемонстрировал неоправданность и даже пагубность всех этих принципов: “Вашингтонский консенсус с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади”. Финансовая глобализация, по словам Стросс-Кана, усилила неравенство, и это стало одной из тайных пружин кризиса. “Поэтому в более долгосрочной перспективе устойчивый рост ассоциируется с более справедливым распределением доходов. Нам нужна глобализация нового рода, более справедливая глобализация, глобализация с человеческим лицом. Блага от экономического роста должны широко распределяться, а не просто присваиваться горсткой привилегированных людей”, – заявил глава МВФ (цит. по: [1, *s.a*]).

В условиях интеллектуального хаоса, вызванного экономической и политической турбулентностью, в настоящее время протекают дискуссии относительно сущности, характера, масштабов, глубины и направления трансформации, в которую вступило мировое сообщество с началом глобального финансово-экономического кризиса в 2008 г. При этом все более становится очевидным, что в условиях глобального финансово-экономического кризиса

идея неолиберальной глобализации, направлявшая практики правящих и деловых кругов Запада последние тридцать лет, теряет свою релевантность. Властвующие элиты сталкиваются с необходимостью разрабатывать новые мировые стратегии социально-классового господства. Идейный разброд и шатания в кругах тех, кто разрабатывал и распространял идеи глобализации-неолиберализма, растерянность в кругах мирового истеблишмента открывают дорогу поискам иного понимания и объяснения происходящего.

Литература

1. *Башкатова А.* “Вашингтонский консенсус” не выдержал проверки временем [Электронный ресурс] / А.Башкатова. – Режим доступа : [http:// www.warandpeace.ru/ru/commentaries/vprint/57038/](http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/vprint/57038/)

2. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура* / Д.Хелд, Д. Гольдблатт, Э.Макгрю, Д.Перратон; пер. с англ. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.

3. *Fine B.* Development as Zombieconomics in the Age of Neoliberalism / B. Fine // *Third World Quarterly*. – 2009. – Vol. 32. – № 3. – P. 885–904.

4. *Tett G.* Lost through destructive creation [Электронный ресурс] / G.Tett. – Режим доступа : [http:// www.ft.com/cms/s/0/95992eee-0d12-11de-a555-0000779fd2ac.html](http://www.ft.com/cms/s/0/95992eee-0d12-11de-a555-0000779fd2ac.html)

5. *Wolf M.* Financial, globalisation, growth and asset prices [Электронный ресурс] / M.Wolf. – Режим доступа : [http:// www.banque-france.fr/gb/publications/telechar/seminaires/2008/colloque_mars_2008/Wolf.pdf](http://www.banque-france.fr/gb/publications/telechar/seminaires/2008/colloque_mars_2008/Wolf.pdf)

6. *Wolf M.* Seeds of its own destruction [Электронный ресурс] / M.Wolf. – Режим доступа : http://www.agonist.org/tjfxh/20090308/martin_wolf_seeds_of_its_own_destruction